

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224
УДК 94(47)

Этнический фактор на пограничной территории

Полина Константиновна НАПОЛЬНИКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>, e-mail: nappolina78@yandex.ru

Ethnic factor on the frontier territory

Polina K. NAPOLNIKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>, e-mail: nappolina78@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена территория Поценья конца XIV – начала XVII века с точки зрения фронтальной теории. Сделан вывод, что о Поценье первой четверти XVII века можно говорить как о внутреннем фронтире, то есть как о сложившейся контактной зоне, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местного автохтонного населения. На основе анализа источников определен этнический состав населения Поценья. Поднята проблема взаимодействия различных этнических групп на пограничной территории. Рассмотрено постепенное формирование в рамках внутреннего фронта Поценья на рубеже XVI–XVII веков локального межкультурного общества.

Ключевые слова: Поценье; фронт; цнинская мордва; цнинские татары; русские переселенцы; Московское государство

Для цитирования: *Напольникова П.К. Этнический фактор на пограничной территории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 220-224. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224*

Abstract. We consider Tsna region territory in the late of 14th – early 17th century from the point of view frontier theory. We made a conclusion that about Tsna region of the first quarter of the 17th century, one can speak about the inner frontier, that is, as existing on the contact zone, where permanent Russian settlements interspersed in places of residence of the local autochthony population. Based on the sources analysis we identify ethnic composition of the population of Tsna region. In this study we raise the interaction problem of different ethnic groups in the border area. The study deals with the gradual formation of a local intercultural society within the inner frontier of Tsna region at the turn of the 14th – 17th centuries.

Keywords: Tsna region; frontier; Tsna Mordovian; Tatar Tsna; Russian immigrants; Muscovite state

For citation: *Napolnikova P.K. Etnicheskiy faktor na pogranichnoy territorii [Ethnic factor on the frontier territory]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 220-224. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224 (In Russian, Abstr. in Engl.)*

Изучая историю Поценья на рубеже XIV–XVII веков, уместно рассматривать этот регион с точки зрения концепции фронта. И применять здесь этот термин не в первоначальной трактовке Ф.Д. Тернера, как встреча цивилизованного мира с диким [1], а уже в модернизированных, адаптированных трак-

товках, предложенных А. Каппелером [2] и рядом российских ученых [3]. Так, А. Каппелер говорит о социальном фронтире между различными жизненными укладами, о религиозном и культурном фронтире между различными культурными и ценностными тра-

дициями [2, с. 48]. Именно на эти аспекты хотелось бы обратить внимание.

Если следовать типологии фронта, предложенной М.В. Шиловским [4, с. 101] и развитой А.С. Хромых [5, с. 113], о Поценье первой четверти XVII века можно говорить как о внутреннем фронтире, то есть как о сложившейся контактной зоне, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местного автохтонного населения, в данном случае – мордвы, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства.

Как проходило это движение? Строительство Шацка в 1552 г., который стал основным звеном в Шацкой засеке, растянувшейся от с. Конобеево на р. Цна до с. Тимошкино на р. Пара, как бы зафиксировало и огородило уже освоенные русским населением территории.

В 1579 г. мешчерскими писцами уже проводилось описание земель населенных пунктов восточнее села Конобеево¹. В 1583 г. в районе села ст. Чернеево уже основан Никольский Чернеев монастырь, что является прямым свидетельством проникновения русского населения за линию укреплений. К 1598 г. следует отнести образование в низовьях р. Цна дворцовой волости с центром в селе Конобеево.

А к 1617 г. практически вся территория Поценья административно включается в Верхоцненскую волость. По документам волость делилась на «верхние» и «нижние» мордовские деревни². Шесть «нижних» деревень располагались компактно в нижнем течении Цны на расстоянии примерно 30 км восточнее Шацка. Двадцать восемь «верхних» деревень шли выше по течению. Общая протяженность по реке всех «верхних» деревень составляла около 150 км [6, с. 79]. Между «верхними» и «нижними» деревнями находился Конобеевский присуд – отдельная административно-территориальная единица, включавшая двенадцать населенных пунктов.

Несмотря на то, что деревни волости названы мордовскими, этнический состав их был неоднороден. По данным писцовых

книг, непосредственно мордва в шести нижних деревнях составляла около 60 % (при общей численности населения 600–800 человек) [6, с. 90]. Русские крестьяне – соответственно – около 40 %. Новокрещенов, то есть мордвы, которая только приняла православие, отмечено всего 3 человека [6, с. 90].

По «верхним» мордовским деревням данных о крестьянах нет. Однако и там нельзя говорить о моноэтническом составе. Наряду с мордвой в деревнях проживали русские бортники (люди, носящие русские имена). Они составляли около 30 % всего населения «верхних» деревень [6, с. 94]. Говорить о бортниках «верхних» деревень, как о представителях только русского этноса, скорее всего, нельзя. Хотя, безусловно, часть из них были русскими переселенцами с северных регионов, часть была коренным населением этих мест наряду с мордвой, со времен Рязанского княжества. Другая же часть представляла крестившееся мордовское население. Об этом красноречиво говорят имена самих бортников, например, Селиверстка Кичемасов³. Около 2 % – отмечено новокрещенов [6, с. 93].

Села и деревни Конобеевского присуда, в отличие от мордовских деревень, были заселены более плотно. Общая численность населения была в пределах от 3500 до 4000 человек [6, с. 92]. Это были преимущественно русские крестьяне. Мордва отмечена только в одном селе и двух деревнях присуда. Общий процент мордовского населения – не более 8 % [6, с. 91-92].

Помимо мордовского и русского компонентов, здесь еще необходимо отметить и татарский. Однако, если русские и мордва – это в основном податное население, то татары здесь – это служилое сословие, владевшее поместьями, сосредоточенными в нижнем течении Цны. В документах того времени упоминаются Альмакай мурза Тахтаров, Ураз мурза Васильев, Чепай мурза Семеев, Ишмаммет мурза Неверов, князь Андрей Сатыев, Еникей мурза Ернеев, Ашмаммет мурза Исикеев⁴, князь Булай Кудашев⁵. При работе с фондами татарских фамилий⁶ выяснилось,

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 227.

² СПбИАРАН (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук). К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 4, 264.

³ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 123.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 228-231.

⁵ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

⁶ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 116. Оп. 1. Ед. хр. 1-3; Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 1-9; Ф. 161. Оп. 1. Д. 539.

что значительная часть татарских князей и мурз, поместья которых сосредоточены в нижнем Поценье и перемежаются с мордовскими деревнями, являются родственниками, потомками князя Акчуры Адашева. Как известно, Акчура Адашев был пожалован в 1503–1505 гг. крестьянскими дворами в селе Купля на нижней Цне⁷. Основное «княжение» Акчуры находилось гораздо восточнее, по реке Мокше. Там также фиксируются вотчины и поместья татарских князей и мурз⁸ [12]. Однако потомки Акчуры в XVI веке получали грамоты на взимание пошлин с цнинской мордвы, а также стали жаловаться поместьями в этом регионе.

Как же складывались отношения разных этнических групп на этой территории? Мордва, по всей видимости, спокойно впускала русских в свою среду. В писцовых книгах появляется категория «пущенников»⁹. Пущенники – это люди, первоначально не имевшие собственных промысловых лесных участков. Их принимали в свои бортные ужожи владельцы – мордва, для совместного ведения промысла. А также давали им право пользоваться своим знаменем – то есть знаком собственности в бортном ужоже. Именно промыслы, в первую очередь бортничество, были основой хозяйства Верхоценской волости. И именно бортничество в целях эффективности промысла заставляло продвигать границы освоенных участков. Земледелие развивалось в нижнем Поценье, уже более-менее защищенном от набегов с Поля.

Для верхнего Поценья, на тот период, возделывание пашни на левом берегу Цны всегда сопряжено было с большим риском. В столбцах Московского стола от 1626 г. есть сообщения о нападении татар на мордву на полях и взятии в плен¹⁰.

Особенности ведения промыслового хозяйства, связанные с риском для жизни, с передвижением на значительные расстояния, постоянная угроза с Поля – все это заставляло людей объединяться. Совместное проживание и ведение хозяйства не могло не отразиться и на культурном влиянии, в первую очередь на языке. Русские встраиваются в

хозяйственную модель мордвы, и русский язык проникает в эту среду. Уже значительно позже, в 1651 г., архиепископ Мисаил в письме к Никону пишет: «...чтоб их отговоркам не верить, акибы им христианския веры не сдержать, что ходят в вотчины дальние по лесам... и едят всякое звериное мясо, и жены их русским языком говорить не умеют... жены их мордвы и дети русским языком говорить горазды...» (цит по: [7, с. 110]). Но на начальных этапах, при преобладании мордовского этнического компонента, по нашему мнению, и русские говорили на мордовском языке.

Уставная грамота 1652 г., присланная в ответ на письма Мисаила о творящихся безобразиях в вверенной ему епархии, в том числе и в Шацком уезде, прекрасно иллюстрирует культурный симбиоз в регионе. Приведем только особо показательный отрывок: «...и скверного платья у поганых татар и мордвы... христиане отнюдь не имели, и в церковь бы в нем не ходили... к некрещеным татарам и к мордве в дома не приходили, и к себе в дома их не призывали, и вместе с ними не пили и не ели» [8, с. 40]. То есть даже к середине XVII века, уже после строительства Тамбова, усиления потока переселенцев в регион, русское население, проживая на исконных мордовских территориях, не ассимилировало местное население, сколько само оказалось под значительным культурным влиянием, нашедшим отражение даже в заимствовании традиционного костюма.

Далее в указанной выше грамоте перечислен большой список народных обычаев, игр, праздников, традиций, на которые налагается запрет. И здесь мы видим уже переплетение и славянской Коляды, и мордовского Таусеня в праздновании Рождества, и мордовских и русских традиций в праздновании Семика [8, с. 41].

Таким образом, можно говорить о постепенном формировании в рамках внутреннего фронта Поценья на рубеже XVI–XVII веков некоего локального межкультурного общества.

Исследователи А.П. Романова, Н.А. Ермаханова, изучающие межкультурные взаимодействия на фронтире, выделяют три их вектора [9, с. 173]. Первый связан с теми коммуникациями, которые формируют некое сообщество, основанное на взаимной выгоде

⁷ ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 773. Л. 19.

⁸ ГАТО. Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁹ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 27.

и взаимопомощи. Здесь происходит общекультурный обмен. В русле второго вектора коммуникации характеризуются внутрикультурными конфликтами сторон фронта. Третий вектор – начало жестких конфликтов.

Предположим, что второй и третий векторы начинают действовать в Поценье со второй половины XVII века, когда начинается активная политика по крещению мордвы. Это приводило к серьезным столкновениям в ряде случаев. Наиболее яркий пример – убийство архиепископа Мисаила при попытке крестить мордву «нижних» деревень Поценья [8, с. 44]. Часть мордовского населения начинает уходить на вос-

ток в район Суры, на юг, в район Хопра. Увеличивающееся население за счет переселенцев начинает ломать хозяйственную модель мордвы, так как возрастает нагрузка на природную экосистему, и эффективность бортничества резко снижается.

Однако для более глубокого понимания этих процессов, подтверждения или опровержения эффективности применения векторной модели для описания коммуникаций на территориях фронта требуются дополнительные исследования, привлечение новых и более скрупулезное изучение имеющихся источников.

Список литературы

1. Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. М., 2009.
2. Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47-64.
3. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
4. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101-118.
5. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования Сибири. Проблемы и перспективы: сб. материалов 3 науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 108-113.
6. Напольникова П.К. Цинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017.
7. Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
8. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков: в 4 т. Рязань, 2005. Т. 3. 692 с.
9. Романова А.П., Ермуханова Н.А. Межкультурные коммуникации на этапе раннего фронта на Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (51). С. 172-175.

References

1. Turner F.D. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Moscow, 2009. (In Russian).
2. Kappeler A. Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vv. [Southern and eastern Russian frontier in 16th – 18th centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47-64. (In Russian).
3. Mizis Y.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i Yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16th – the first half of the 18th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
4. Shilovskiy M.V. Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt) [Frontier and resettlement (Siberian experience)]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th – 20th Centuries: General and Special]. Novosibirsk, 2003, no. 3, pp. 101-118. (In Russian).
5. Khromykh A.S. K voprosu o primeneniі ponyatiy «kolonizatsiya» i «frontir» v izuchenii istorii Sibiri [To the question of the concepts “colonization” and “frontier” in the study of Siberia history]. *Sbornik materialov 3 nauchnoy konferentsii «Istoricheskiye issledovaniya Sibiri. Problemy i perspektivy»* [Proceedings of the 3rd Scientific Conference “Historical Studies of Siberia. Problems and Prospects”]. Novosibirsk, 2009, pp. 108-113. (In Russian).

6. Napolnikova P.K. *Tsninskaya mordva. Vkhodzheniye v sostav Moskovskogo go-sudarstva v XVI – pervoy chetverti XVII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Tsna Mordvinian. Joining the Muscovite State in the 16th – First Quarter of the 17th Century. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2017. (In Russian).
7. Smirnov I.N. *Mordva. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Mordovians. Historical and Ethnographic Essay]. Kazan, 1895. (In Russian).
8. Tsepkov A.I. *Svod pis'mennykh istochnikov po istorii Ryazanskogo kraya XIV–XVII vekov: v 4 t.* [Set of Written Sources on the History of the Ryazan Region 14th – 17th Centuries: in 4 vols.]. Ryazan, 2005, vol. 3, 692 p. (In Russian).
9. Romanova A.P., Ermukhanova N.A. *Mezhkul'turnyye kommunikatsii na etape rannego frontira na Kavkaze* [Intercultural communications in the period of early frontier in the Caucasus]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 1 (51), pp. 172-175. (In Russian).

Информация об авторе

Напольникова Полина Константиновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nappolina78@yandex.ru

Вклад в статью: работа с архивными фондами, анализ статистических данных, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Polina K. Napolnikova, Candidate of History, Senior Lecturer of World and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: nappolina78@yandex.ru

Contribution: work with archival funds, statistical data analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>

Received 30 July 2019

Reviewed 19 August 2019

Accepted for press 23 August 2019